

С. А. Красильников

УСТОЙЧИВОСТЬ ФЕНОМЕНА «ВРЕДИТЕЛЬСТВА» В ПОСЛЕВОЕННОЙ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКЕ: «КРАСНОЯРСКОЕ ДЕЛО» ГЕОЛОГОВ 1949 г.

Феномен «вредительства» традиционно играл важную системообразующую роль в большевистской охранительной политике. Первоначально возникнув как ответная реакция на антибольшевистский протест непролетарских групп общества (средних городских слоев) против утверждения нового режима («саботаж»), в дальнейшем «вредительство» получило правовую и социально-политическую легитимацию для осуществления репрессий против так называемой экономической контрреволюции. Свой завершённый, «классический» вид «вредительство» как «форма классово́й борьбы» против советского строя приобрело в ходе серии квазисудебных политических процессов над группами инженерной и научно-технической интеллигенции на рубеже 1920–1930-х гг. (Шахтинский и др. процессы). Своего рода кульминацией применения «вредительства» в репрессивной практике стал Большой террор, разыгравшийся после решений Февральско-мартовского (1937) Пленума ЦК ВКП(б), где «вредительство» получило максимально широкую трактовку, и в нем обвинялся широкий круг лиц – от наркомов до рядовых служащих. Последовавшая экстремальная эпоха Второй мировой войны радикально изменила структуру репрессий, сохранив, однако, их «контрреволюционное» ядро. Послевоенные реалии возродили, хотя и в ослабленном виде, данный феномен в качестве инструмента государственного давления и как угрозу применения к определенным группам социума, номенклатуры и интеллигенции прежде всего. Одним из проявлений этого стало «Красноярское дело» 1949 г. по обвинению ряда крупных отечественных геологов во «вредительстве» и других «преступлениях». Настоящая статья имеет целью изучить влияние данной репрессивной акции на жизнедеятельность группы томских профессоров, осужденных по данному делу, особое внимание мы уделим механизмам поведения той части научной корпорации, которая поддерживала усилия родственников в освобождении репрессированных ученых.

Термин «вредительство» в нашей публикации применяется в за­к­а­вы­чен­ном ви­де, тем самым под­чер­ки­ва­ет­ся не­воз­мож­ность его ис­поль­зо­ва­ния в ка­че­стве об­ъек­тив­но от­ра­жа­в­ше­го ре­аль­ность ста­лин­ско­го вре­мени, рав­но как и ана­ло­гич­ные это­му тер­ми­ны, ис­поль­зо­вав­ши­е­ся в ре­прес­сив­ном за­ко­но­да­тель­стве и прак­ти­ке – «контр­ре­во­лю­ци­он­ная де­я­тель­ность», «ан­ти­со­вет­ская агита­ция», «шпи­онаж» и дру­гие как в си­лу их ква­зи­пра­во­во­го ха­рак­те­ра, так и ква­зи­пра­во­во­го при­ме­не­ния.

Юри­дическая квали­фика­ция пре­ступ­ле­ний, трак­то­вав­ших­ся в даль­ней­шем как «вредительство», во­шла в прак­ти­ку вме­сте с при­ня­ти­ем в 1926 г. но­вой редак­ции Уго­лов­но­го ко­дек­са РСФСР п. 7 ст. 58-й (уточ­нен­ной в ию­не 1927 г.) и без пря­мо­го опре­де­ле­ния дан­но­го по­ня­тия, но в увяз­ке с по­ня­ти­ем «про­мыш­лен­ный са­бо­таж»: «58–7. По­дрыв го­су­дар­ствен­ной про­мыш­лен­ности, транс­пор­та, тор­гов­ли, де­неж­но­го об­ра­ще­ния или кре­дит­ной си­сте­мы, а рав­но ко­опе­ра­ции, со­вер­шен­ный в контр­ре­во­лю­ци­он­ных це­лях пу­тем со­от­вет­ст­вую­ще­го ис­поль­зо­ва­ния го­су­дар­ствен­ных уч­ре­жде­ний и пред­при­ятий, или про­ти­во­дей­ствие их нор­маль­ной де­я­тель­ности, а рав­но ис­поль­зо­ва­ние го­су­дар­ствен­ных уч­ре­жде­ний и пред­при­ятий или про­ти­во­дей­ствие их де­я­тель­ности, со­вер­ша­е­мое в ин­те­ре­сах быв­ших соб­ствен­ни­ков или за­ин­те­ре­со­ван­ных ка­пи­та­ли­сти­че­ских ор­га­ни­за­ций, то е­сть про­мыш­лен­ный са­бо­таж: на­ка­за­ние ана­ло­гич­но ста­тье 58–2»¹.

До­ктри­наль­ное обос­но­ва­ние при­чин, форм про­яв­ле­ния, опас­но­стей и «живучести» «вредительства» при­на­д­ле­жит И. В. Ста­ли­ну, ко­то­рый на­чи­ная с вес­ны 1928 г. свя­зы­вал его про­ис­хо­жде­ние с неиз­бе­ж­но­стью «обост­ре­ния клас­со­вой борь­бы». В част­но­сти, в вы­ступ­ле­нии на со­ве­ща­нии хо­зяй­ствен­ни­ков 23 ию­ня 1931 г. он из­ло­жил свою ре­ф­лек­сию по дан­но­му во­про­су, на­звав рас­про­стра­не­ние «вредительства» в сре­де ста­рой тех­ни­че­ской ин­тел­ли­ген­ции не толь­ко «за­ра­з­ной» бо­лез­нью, но и сво­е­го ро­да мо­дой: «Одни вре­ди­ли, дру­гие по­кры­ва­ли вре­ди­те­лей, тре­тьи умы­ва­ли ру­ки и со­блю­да­ли ней­тра­ли­тет, чет­вер­тые ко­ле­ба­лись ме­жду Со­вет­ской вла­стью и вре­ди­те­ля­ми»². Тогда же он сфор­му­ли­ро­вал по­ли­тику боль­ше­ви­ст­ско­го ру­ко­вод­ства в от­но­ше­нии дан­ной груп­пы – «по­ли­тику раз­гро­ма ак­тив­ных вре­ди­те­лей, рас­сло­е­ния ней­траль­ных и при­вле­че­ния до­яль­ных» и выс­ка­зал­ся об их даль­ней­ших судь­бах: «Это не зна­чит, что у нас нет боль­ше вре­ди­те­лей. Вре­ди­те­ли е­сть и бу­дут, по­ка у нас е­сть клас­сы, по­ка име­

ет­ся ка­пи­та­ли­сти­че­ское окру­же­ние. Но... ак­тив­ных вре­ди­те­лей оста­лось не­боль­шое ко­ли­че­ство, они изо­ли­ро­ва­ны, и они дол­жны бу­дут уй­ти до по­ры до вре­мени в глу­бо­кое под­полье»³.

В боль­ше­ви­ст­ской по­ли­ти­ке фе­но­мен «вредительства» вы­пол­нял ряд функ­ций, сре­ди ко­то­рых, по­ми­мо на­зван­ных вы­ше до­ктри­наль­ной и ре­прес­сив­ной, име­ло ме­сто его пра­гма­ти­че­ское ис­поль­зо­ва­ние как в «агит­про­пе», так и в э­ко­но­ми­ке. За до­ктри­наль­ной обо­лоч­кой «вскры­тия» и «пре­одо­ле­ния» «мно­го­ли­кого вре­ди­те­ль­ства» скры­ва­лась вполне ра­ци­о­наль­ная, пра­гма­ти­че­ская функ­ция – *при­нуди­тель­но-мо­би­ли­за­ци­он­но­го ис­поль­зо­ва­ния ин­тел­лек­ту­аль­но­го тру­да ре­прес­си­ро­ван­ных спе­ци­а­ли­стов раз­лич­ных про­фес­сий*. Мас­со­вые кам­па­нии «выяв­ле­ния вре­ди­те­лей» с по­сле­дую­щи­ми мас­со­вы­ми арес­та­ми по­слу­жи­ли воз­ник­но­ве­нию за­кры­тых / осо­бых кон­струк­тор­ских и тех­ни­че­ских бю­ро, в ко­то­рых при­ме­ня­лись зна­ния и ква­ли­фика­ция осуж­ден­ных про­фес­си­о­на­лов в раз­лич­ных об­ла­стях (в част­но­сти, те­невую сто­ро­ну каж­до­го из круп­ных «вредительских» про­цес­сов ран­не­ста­лин­ско­го пе­ри­о­да со­став­ля­ли до ты­ся­чи и бо­лее ли­шен­ных сво­бо­ды спе­ци­а­ли­стов, ра­бо­та­вших по­сле осуж­де­ния в ОТБ). Форми­ро­ва­ние се­ти мо­но­про­филь­ных ОТБ при­хо­дит­ся на на­ча­ло 1930-х гг. (о­коло 20 в 1931 г.). Пер­во­на­чаль­но со­зда­е­мые бю­ро на­хо­ди­лись в мо­но­поль­ном под­чи­не­нии ЭКУ ОГПУ, к 1932 г. было до­сти­гну­то меж­ве­дом­ст­вен­ное со­гла­ше­ние о пе­ре­да­че части за­клю­чен­ных спе­ци­а­ли­стов в дру­гие нар­ко­ма­ты⁴.

О ме­сте «вредительства» в ре­прес­сив­ной прак­ти­ке в раз­ные пе­ри­о­ды ста­лин­ско­й эпо­хи можно су­дить толь­ко от­час­ти, по­сколь­ку осуж­де­ние по ст. 58–7 не­ред­ко со­про­во­ж­да­лось и об­ви­не­ни­ями по дру­гим пун­ктам этой ста­тьи. Ис­поль­зуя ту не­пол­ную и фраг­мен­тар­ную ста­ти­сти­ку, ко­то­рая при­во­дит­ся в ра­бо­те О. Б. Мозо­хи­на, тем не ме­нее можно ус­та­но­вить сле­дую­щее: в 1928 г. по ст. 58–7 осуж­де­но 1,8 тыс. че­ло­век, или о­коло 5 % от об­щей мас­сы осуж­ден­ных по ст. 58, в 1930 г. – 7,3 тыс., или 3 %; в 1931 г. по ст. 58–7, –9, –14 осуж­де­но 17,8 тыс., или 7,2 % (сре­ди осуж­ден­ных в 1931 г. было 2 тыс. ИТР и 438 на­уч­ных ра­бо­т­ни­ков (НР)); в 1937 г. по ст. 58–7 осуж­де­но 67 тыс., или 7 %, в 1949 г. – 908 че­ло­век, или 1,5 % (в т. ч. 616 про­фес­со­ров и пре­по­да­ва­те­лей (ППС) ву­зов и НР); в 1950 г. по ст. 58–7, –14 осуж­де­но 681 че­ло­век, или 1,6 % от осуж­ден­ных по ст. 58 (в т. ч. 391 ППС ву­зов и НР)⁵.

¹ СУ РСФСР. 1927. № 49. Ст. 330.

² Ста­лин И. В. Но­вая об­ста­нов­ка – но­вые за­да­чи хо­зяй­ствен­но­го стро­итель­ства. Речь на со­ве­ща­нии хо­зяй­ствен­ни­ков 23 ию­ня 1931 г. // Во­про­сы ле­ни­низ­ма. Изд. оди­на­д­ца­тое. ОГ­ИЗ, 1939. С. 342.

³ Там же. С. 343, 344.

⁴ См.: Лубянка. Ста­лин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Ян­варь 1922 – де­кабрь 1936. М., 2003. С. 287–288.

⁵ Мозо­хин О. Б. Пра­во на ре­прес­сии: вне­су­деб­ные пол­но­мо­чия ор­га­нов го­су­дар­ствен­ной бе­зо­пас­но­сти (1918–1953). М., 2006. С. 280, 289, 296, 336, 405, 408, 419, 422.

... данные статистики следует, что на «входе» в сталинскую эпоху «вредительство» получило распространение, первоначально процируясь на группы «служилой интеллигенции», однако уже с начала 1930-х гг. имела место тенденция расширения репрессивной практики по соответствующим пунктам ст. 58 на другие социальные strаты, достигнув апогея в 1937 г. В то же время в конце 1940 – начале 1950-х гг. объектом обвинений во «вредительстве» вновь становятся корпоративные группы управленцев и специалистов. Сказанное свидетельствует о том, что запущенная еще в конце 1920-х гг. стигматизация старой интеллигенции в виде образа «спеца-вредителя» сохранялась на протяжении всего сталинского периода. В послевоенные годы традиция кампаний по «вскрытию вредительства» в различных сферах экономики, науки и техники «рутинизировалась», оставаясь органичной частью интеллигентофобии (И-фобии).

В восприятии Сталина «шахтинский синдром» (1928) представлялся сочетанием образа «спеца-вредителя» с образом «коммуниста-управленца», ставшего объектом «вредительского» манипулирования⁶. 20 лет спустя, в 1949 г., Сталин продолжал мыслить теми же устойчивыми стереотипами. Об этом свидетельствует фрагмент его выступления 30 марта 1949 г. на заседании Политбюро, где рассматривался вопрос о состоянии геологических разведок в Красноярском крае в конспективной записи главного редактора газеты «Правда» П. Н. Поспелова, опубликованной историком науки А. Блохом: «Где сейчас главная опасность? В честных дураках и слепцах. От таких честных людей, но слепых, может погибнуть наша страна... Разве медведь (из крыловской басни) не был честным? Честные люди, но слепые дураки, отдают практическое руководство в руки григорьевых, эдельштейнов, колчаковцев. Кто эти резолюции (что в Красноярском крае ничего нет) писал? Они? Нет, их рукой враги руководили. Почему все эти дела рассказывает корреспондент, а не чекист? Без комиссии не обойтись»⁷.

Упомянутое заседание Политбюро явилось поворотным моментом в возникновении так называемого Красноярского дела, или «вредительства в геологии», повлекшего за собой групповые аресты в среде ученых-геологов (около 30 чел.) и вобравшего в себя классические черты соединения сталинского агитпропа с прагматикой использования труда репрессированных крупных ученых-геологов по специальности (в геологических управлениях Енисейстроя, Норильска,

⁶ Сталин И. В. О работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК. Доклад на собрании актива московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. // Сочинения. М.: ОГИЗ, 1949. Т. 11. С. 58–59.

⁷ URL: uralgold.ru/tidings/700 Источник: poisknews. Опубликовано: 05.10.2012.

Дальстроя, входивших в систему ГУЛАГ МВД СССР). В немногочисленных публикациях, посвященных истории пресловутого «дела», достаточно рельефно вскрыта зловещая роль в инициировании исследований и арестов геологов корреспондента «Правды» Анастасии Шестаковой, сумевшей при поддержке П. Н. Поспелова дискредитировать профессиональную деятельность ряда крупнейших геологов страны, изучавших в разные годы полезные ископаемые Восточной Сибири и якобы скрывших наличие запасов здесь ценнейших руд, в т. ч. урановых. Здесь же приведены биографические данные о судьбах репрессированных ученых⁸.

Реконструкция событий, связанных с «Красноярским делом», требует весьма значительных усилий, что осложняется невозможностью доступа к архивно-следственным делам (АСД) арестованных, а также к документации тех ОТБ, где отбывали заключение геологи. Поэтому мы воспользовались доступными источниками, хранящимися в личном фонде выдающегося ученого, геолога Владимира Афанасьевича Обручева, чтобы на основе выявленной в нем переписки проследить один из аспектов этой драматической темы: показать усилия родных и коллег группы репрессированных томских ученых по их освобождению⁹. Датировка переписки ряда сибирских геологов с академиком В. А. Обручевым охватывает более длительный период, еще с 1920-х гг., однако особый интерес представляют письма жен осужденных геологов Обручеву, его ответные письма, а также письма геологов академику после освобождения из лагерей весной 1954 г. Безусловной исторической ценностью обладает переписка, которую вел Обручев с носителями власти (К. Е. Ворошиловым и др.) в 1953–1954 гг., ходатайствуя о пересмотре дел, находившихся в местах заключения геологов. Женские письма полифункциональны, в них не только содержится информация о положении и состоянии осужденных мужей в лагерях и сведения о реагировании томской геологической корпорации на осуждение профессоров, но и описана координация совместных с Обручевым усилий по пересмотру обвинительных приговоров, активизировавшихся после ареста и расстрела Л. П. Берии.

Согласно данным, собранным исследователями о «Красноярском деле», в Томске и Новосибирске арестам подверглись девять ученых, в т. ч. шесть профессоров, ведущих преподавателей Томского универ-

⁸ См.: Репрессированные геологи: Биографические материалы. М.; СПб., 1995; Некоз В. В., Грек А. Г., Совлук В. И. Красноярское дело. URL: library.iem.ac.ru/spb2002/Chapter_2.DOC

⁹ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 642. Оп. 3. Д. 265; Ф. 642. Оп. 4. Д. 250, 296, 1035, 1081, 1082.

ситета и Индустриально-политехнического института. Как отмечала в письме к В. А. Обручеву от 18 мая 1949 г. Т. А. Хахлова, жена одного из профессоров, «геологический факультет [университета] остался без профессоров»¹⁰. Ниже приводятся краткие сведения об их научно-педагогической деятельности на момент ареста. Объединяло всех то, что каждый из них несколько десятков лет работал по изучению недр Сибири. Что же касается причин для ареста именно этих ученых, то, предположительно, МГБ руководствовалось тем фактом, что они служили по мобилизации в войсках антибольшевистских режимов на территории Сибири и подпадали под определение «колчаковцы» (см. выше высказывание Сталина на заседании Политбюро от 30 марта 1949 г. о «вредителях»).

Баженов Иван Кузьмич; на момент ареста – декан геологического факультета ТГУ, зав. кафедрой минералогии, один из первооткрывателей группы месторождений нефелиновых пород в Красноярском крае в конце 1930-х гг. Один из руководителей геологической части Южно-Енисейской комплексной экспедиции СОПС АН СССР (1947). В 1948 г. Ученым советом ТГУ начата процедура выдвижения его на Сталинскую премию, однако из-за ареста ученого в Комитет по премиям направлена не была. Возможный повод для ареста – служба рядовым по мобилизации в колчаковской армии в 1919 г.

Булытников Александр Яковлевич; на момент ареста – зав. кафедрой петрографии ТГУ (с 1938 г.). Крупнейший специалист по золоторудным месторождениям Западной Сибири (оценка акад. Обручева, официального оппонента при защите докторской диссертации, март 1941 г.). Возможный повод для ареста – служба сапером инженерного дивизиона по мобилизации в колчаковской армии в 1919 г.

Кучин Михаил Иванович; на момент ареста – зав. кафедрой грунтоведения и гидрогеологии ТГУ (с 1939 г.). Крупнейший специалист в области гидрогеологии Сибири. Возможный повод для ареста – подпоручик военного времени (1917), служба в аппарате Министерства труда колчаковского правительства (1918–1919).

Сперанский Борис Федорович; участник революционного движения, отбывал 10-летний срок в каторжных тюрьмах. В 1923 г. окончил горный факультет Томского технологического института. Профессор ТГУ (по совместительству). На момент ареста – ст. научный сотрудник Горно-геологического института ЗСФ АН СССР (Новосибирск). Руководил работой по составлению первой обзорной геологической карты Западной Сибири. В 1948 г. защитил докторскую диссертацию. В связи с 25-летием профессиональной деятельности награжден орденом Ленина (1948), Запсибгеологуправлением

учреждена именная премия за лучшую работу по геологии Западной Сибири (1948).

Хахлов Венедикт Андреевич; на момент ареста – зав. кафедрой палеонтологии ТГУ (с 1934 г.). Крупнейший специалист в области палеонтологии Сибири. Возможный повод для ареста – подпоручик военного времени (1917), служба в Сибирском инженерном дивизионе (1918–1919).

Шахов Феликс Николаевич; на момент ареста – декан геологоразведочного факультета Томского индустриального института (с 1939 г.). Один из крупнейших специалистов по месторождениям цветных и редких металлов в Сибири. Награжден орденом Ленина (1944), Трудового Красного Знамени (1946) Возможный повод для ареста – подпоручик военного времени (1917), служба начальником саперной команды (1918–1919)¹¹.

Примечательно, что хотя томские профессора длительное время числились в списках «бывших белых офицеров и военных чиновников», регулярно составлявшихся в довоенное время в вузах, никто из них не подвергался ранее арестам. Что же касается переехавшего в Новосибирск и работавшего там в академическом институте Б. Ф. Сперанского, то, напротив, он имел героическое революционное прошлое и состоял членом Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Арест и длившееся около года следствие в Москве, завершившееся вынесением 28 октября 1950 г. Особым совещанием при МГБ СССР приговора к длительным срокам заключения в лагерях, имели целью добиться от арестованных признательных показаний. Позднее А. Я. Булытников в письме родным из мест заключения так описывал свое состояние: «Когда нас арестовали и увозили из Томска, то каждый из нас рассчитывал и ожидал, что недоразумение с арестом в Москве разрешится, и мы возвратимся к прежней деятельности. Надежда была разбита следствием. Не только я, но и... другие оклеветали себя, и все это привело к печальному результату. Я неоднократно спрашивал, когда мне будет предоставлен защитник. «Я – ваш следователь и ваш защитник» – был ответ»¹².

После приговора им предстояло отбывать громадные сроки в лагерях Дальстроя, Енисейстроя, Норильска. И. К. Баженов, приговоренный к 25 годам в ИТЛ, отбывал срок на Колыме; работал по специальности, в т. ч. по разработке урановых месторождений. Б. Ф. Сперанский, приговоренный к 25 годам в ИТЛ, также отбывал срок на Колыме; работал по специальности, занимаясь картографи-

¹¹ Профессора Томского университета: Биографический словарь. Томск, 1998. Т. 2: 1917–1945. С. 37–43, 66–70, 254–259, 395–398, 451–458, 484–487.

¹² АРАН. Ф. 642. Оп. 3. Д. 265. Л. 16–16 об.

¹⁰ АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 1082. Л. 1–2.

рованием территории Магаданской области. Отбывал заключение на Колыме и Ф. Н. Шахов, приговоренный к 15 годам в ИТЛ; работал в научно-методическом отделе Северо-Восточного геологического управления (Магадан) по проблемам золотоносности. Двое отбывали свой срок в системе Енисейстроя: А. Я. Булынников (15 лет в ИТЛ) работал в геологическом отделе ОТБ-1 (Красноярск), участвовал в открытии месторождений золота, флюоритов, выполнил ряд крупных петрографических работ; инженер-гидролог М. И. Кучин (15 лет в ИТЛ) работал в ОТБ-1 по специальности. В. А. Хахлов (10 лет в ИТЛ) срок отбывал в Норильсклаге; с января 1951 г. работал в Геологическом управлении (подсчет угольных запасов Кайерканского месторождения), где основал палеонтологическую лабораторию.

Находясь в тяжелейших условиях лагерного заключения, но отчасти адаптировавшись к условиям своего существования, заключенные начинали тяжелую и «вязкую» борьбу за пересмотр приговора. Основной бюрократической препоной к возможному пересмотру их «дел» являлись сделанные ими в ходе следствия «признательные показания», что явствовало из письма В. А. Хахлова жене, датированного 10 ноября 1952 г.: «22 октября я написал пространную жалобу в Президиум Верховного Совета СССР, где изложил все то, что я ВЫНУЖДЕН был подписать во время следствия. Для опровержения всего подписанного я выставил в качестве свидетелей около 50 человек лиц, которые должны подтвердить высказанные мной заключения в моей жалобе. Параллельно с этим я подал заявление в партийную организацию [Томского] Университета с просьбой дать в Верховный Совет данные, которые подтверждают мое заявление в Верховный Совет. Все это послано через лагерь и соответствующие инстанции. Лагерь дал соответствующую характеристику моей работы. Справясь в Университете, получили ли они мое заявление. Правда, все это идет очень медленно и возможно дойдет через несколько месяцев. Я их не прошу дать характеристику моей работы за 30 лет, а прошу только сказать правду. За поисками правды я и обратился к ним»¹³. Кроме того, мотивированность протеста зависела от возможности оспорить сам приговор, однако, как писал тот же Хахлов жене, «необходимо получить, наконец, обвинительное заключение, чтобы хоть знать, за что я сижу, и тогда по всем пунктам фактического материала через партийную организацию Университета будем просить пересмотреть дело»¹⁴.

В своем письме В. А. Обручеву, предположительно относящемся к началу 1953 г., Т. А. Хахлова описывает достаточно тяжелой

атмосферу, в которой оказывались родственники и ученики репрессированных ученых, боровшихся за их научную репутацию и, соответственно, за освобождение: «Среди его учеников нашлись, конечно, такие, которых вынудили лягнуть В[енедикта] А[ндреевича]. Не все пошли на это. Все ученики В. А. честно везли и везут Университет, но все же солидарность слаба...»¹⁵

Решающие события, повлекшие за собой пересмотр приговора Особого совещания МГБ в отношении осужденных геологов, были связаны с последовавшим после смерти Сталина падением Л. Берии в 1953 г. Остававшимся ранее без внимания ходатайствам влиятельных ученых за своих учеников был дан ход. В фонде академика Обручева отложился значительный корпус документов¹⁶, датированных концом 1953 – серединой 1954 г., содержащих подготовительные материалы, черновые варианты, машинописные экземпляры и отпуски писем на имя членов высшего руководства страны (К. Е. Ворошилова, Г. М. Маленкова) и в Главную военную прокуратуру с ходатайствами Обручева о пересмотре дел в отношении более десятка репрессированных геологов, среди которых были и осужденные по «Красноярскому делу». Здесь же сохранилась и часть переписки академика с родственниками геологов для получения более точных сведений о заслугах ученых и т. д. В. А. Обручев, которому незадолго до этого исполнилось 90 лет, в переписке с государственными лидерами стремился с максимальной полнотой использовать свой заслуженный статус патриарха отечественной геологической науки. В частности, сохранилось три черновых варианта его обращения к Ворошилову, пока не был найден оптимальный, отрывок из которого приводится ниже: «Пользуясь Вашим любезным посещением меня для вручения высокой правительственной награды за многолетнюю службу, я предоставляю ходатайство о трех известных мне геологах, исследователях Сибири, с просьбой о пересмотре их дел и смягчении их участи (Н. Н. Урванцев, И. К. Баженов, А. Я. Булынников. – С. К.) [...] Все три указанных в этом заявлении геолога известны мне лично по своим научным трудам и вполне заслуживают полной амнистии и возвращения к свободному труду на пользу Родине. 8 февраля 1954 г.»¹⁷

Ходатайства Обручева, безусловно, сыграли свою роль в том, что решениями Главной военной коллегии Верховного суда СССР от 31 марта и 10 апреля 1954 г. ранее вынесенные в отношении геологов приговоры были отменены, а «дела» прекращены «за отсутствием в них состава преступления». И. К. Баженов был восстановлен 7 мая

¹³ АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 1082. Л. 3.

¹⁴ Там же. Оп. 3. Д. 265. Л. 7.

¹⁵ Там же. Оп. 4. Д. 1082. Л. 4.

¹⁶ Там же. Оп. 3. Д. 265. Л. 1–47.

¹⁷ Там же. Л. 20.

1954 г. на работе в ТГУ в должности зав. кафедрой минералогии и кристаллографии, где проработал до 1973 г. А. Я. Булытников был восстановлен 2 июня 1954 г. на работе в ТГУ в должности зав. кафедрой петрографии, где проработал до 1972 г. (последние 5 лет – профессор-консультант). В. А. Хахлов был восстановлен 10 мая 1954 г. на работе в ТГУ в должности зав. кафедрой палеонтологии, где проработал до 1972 г. Другие репрессированные геологи также по возвращении из заключения были восстановлены в своих должностях, где работали до ареста. Однако репрессии не прошли бесследно: через два года после освобождения скончался Б. Ф. Сперанский, ставший в течение своей жизни жертвой двух репрессивных режимов – царского и сталинского. В переписке с В. А. Обручевым сразу после возвращения из заключения томские геологи по-разному оценивали драматическое пятилетие в своей жизни: так, Баженов писал о желании «наверстать потерянные годы»¹⁸; более оптимистичным в своих оценках был Хахлов: «Мои года – последние пять лет – не прошли для науки бесследно. Я и в неволе жил наукой и для науки. Написал три тома большой монографии “Стратиграфия Норильского угольного бассейна”»¹⁹.

«Дело геологов» 1949 г. имеет несколько измерений. На макроуровне действовали механизмы доктринального / охранительного («вредительство было, есть и будет») и функционального (мобилизационного) типов. На среднем уровне действовали факторы ведомственного порядка – интересы карательных структур (МГБ и МВД), Агитпропа (руководство и агенты газеты «Правда»), Мингеологии, АН СССР и других производственных и научных институций. Обращаясь к событиям на микроуровне, мы на основе доступных источников реконструировали поведенческие реакции и действия внутри геологической корпорации в отношении репрессированных геологов. Выявлены три поведенческих типа – позитивный активизм (поддержка и солидарность с осужденными), конформизм, негативный активизм (соучастие или прямое участие в дискредитации осужденных). Ядро позитивного активизма формировали групповые и личностные внутрикorporативные связи, основанные на длительных профессиональных контактах и репутационной компоненте. Наиболее действенной оказывалась триада: близкие / жены репрессированного – ученики – научный лидер корпорации. СЛОВО академика Владимира Афанасьевича Обручева не могло предотвратить «Красноярского дела», но имело важное значение в ускорении пересмотра приговора МГБ и освобождении осужденных.

¹⁸ АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 250. Л. 18–18 об.

¹⁹ Там же. Д. 1081. Л. 1–2 об.